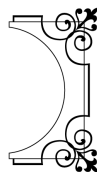

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
КЛЮЕВ

(1887–1937)

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

1

Верить ли песням твоим —
Птицам морского рассвета, —
Будто туманом глухим
Водная зыбь не одета?

Вышли из хижины мы,
Смотрим в морозные дали:
Духи метели и тьмы
Взморье снегами сковали.

Тщетно тоскующий взгляд
Скал испытует граниты, —
В них лишь родимый фрегат
Грудью зияет разбитой.

Долго ль обветренный флаг
Будет трепаться так жалко?..
Есть у нас зимний очаг,
Матери мерная прялка.

В снежности синих ночей
Будем под прялки жужжанье
Слушать пролет журавлей,
Моря глухое дыханье.

Радость незримо придет,
И над вечерними нами
Тонкой рукою зажжет
Зорь незакатное пламя.

Я болен сладостным недугом —
 Осенней, рдяною тоской.
 Нерасторжимым полукругом
 Сомкнулось небо надо мной.

Она везде, неуловима,
 Трепещет, дышит и живет:
 В рыбацкой песне, в свитках дыма,
 В жужжанье ос и блеске вод.

В шуршанье трав — ее походка,
 В нагорном эхо — всплески рук,
 И казематная решетка —
 Лишь символ смерти и разлук.

Ее ли косы смоляные,
 Как ветер смех, мгновенный взгляд...
 О, кто Ты: Женщина? Россия?
 В годину черную собрат!

Поведай: тайное сомненье
 Какою казнью искупить,
 Чтоб на единое мгновенье
 Твой лик прекрасный уловить?

1910

* * *

«Безответным рабом
 Я в могилу сойду,
 Под сосновым крестом
 Свою долю найду».

Эту песню певал
 Мой страдалец-отец
 И по смерти завещал
 Допевать мне конец.

Но не стоном отцов
Моя песнь прозвучит,
А раскатом громов
Над землей пролетит.

Не безгласным рабом,
Проклиная житье,
А свободным орлом
Допою я ее.

<1905>

* * *

Братья, мы забыли подснежник,
На проталинке снегиря,
Непролазный, мертвый валежник
Прославляют поэты зря!

Хороши заводские трубы,
Многохоботный маховик,
Но всевластной отрочьи губы,
Где живет исступленья крик.

Но победней юноши пятка,
Рощи глаз, где лешачий дед.
Ненавистна борцу лампадка,
Филаретовских риз газет!

Полюбить гудки, кривошипы —
Снегиря и травку презреть...
Осыпают церковные липы
Листопадную рыжую медь.

И на сердце свеча и просфорка,
Бересклет, где щебечет снегирь.
Есть Купало и Красная горка,
Сыропустная блинная ширь.

Есть Россия в багдадском монисто,
С бедуинским изломом бровей...
Мы забыли про цветик душистый
На груди колыбельных полей.

<1920>

* * *

Бродит темень по избе,
Спотыкается спросонок,
Балалайкою в трубе
Заливается бесенок:

«Трынть да брынть, да
тере-рень...»
Чу! Заутренние звоны...
Богородицына тень,
Просияв, сошла с иконы.

В дымовище сгинул бес,
Печь, как старица, вздохнула.
За окном бугор и лес
Зорька в сыту окунула.

Там, минуючи зарю,
Ширь безвестных плоскогорий,
Одолеть судьбу-змею
Скачет пламенный Егорий.

На задворки вышел Влас
С вербой, в венчике сусальном.
Золотой, воскресный час,
Просиявший в безначальном.

<1915>

* * *

В избе гармоника: «Накинув плащ с гитарой...»
А ставень дедовский провидяще грустит:
Где Сирии — красный гость, Вольга с Мемелфой старой,
Божниц рублевский сон, и бархат ал и рыт?

«Откуля, доброхот?» — «С Владимира-Залесска...» —
«Сгорим, о братия, телес не посрашим!..»
Махорочная гарь, из ситца занавеска,
И оспа полуслов: «Валета скозырим».

Под матицей резной (искусством позабытым)
Валеты с дамами танцуют «вальц-плезир»,
А Сирин на шестке сидит с крылом подбитым,
Щипля сусальный пух и сетуя на мир.

Кропилом дождевым смывается со ставней
Узорчатая быль про ярого Вольгу,
Лишь изредка в зрачках у вольницы недавней
Пропляшет царь морской и сгинет на бегу.

<1918>

* * *

В морозной мгле, как око сычье,
Луна-дозорщица глядит;
Какое светлое величье
В природе мертвенной сквозит.

Как будто в поле, мглой объятom,
Для правых подвигов и сил,
Под сребротканым, снежным платом,
Прекрасный витязь опочил.

О, кто ты, родина? Старуха?
Иль властноокая жена?
Для песнотворческого духа
Ты полнозвучна и ясна.

Твои черты январь-волшебник
Туманит выюгой снеговой,
И схимник-бор читает требник,
Как над умершею тобой.

Но ты вовек неуязвима,
Для смерти яростных зубов,
Как мать, как женщина, любима
Семьей отверженных сынов.

На их любовь в плену угрюмом,
На воли пламенный недуг,
Ты отвечаешь бора шумом,
Мерцаньем звезд да свистом выюг.

О, изреки: какие боли,
Ярмо какое изнести,
Чтоб в тайниках твоих раздолий
Открылись торные пути?

Чтоб, неизбывная доселе,
Родная сгнула тоска
И легкозвоннее метели,
Слетала песня с языка?

<1911>

* * *

В просинь вод загляделися ивы,
Словно в зеркальцо девка-краса.
Убегают дороги извивы,
Перелесков, лесов пояса.

На деревне грачиные граи,
Бродит сон, волокнится дымок;
У плотины, где мшистые сваи,
Нижег скатную зернь солнопек —

Водянице стожарную кикю:
Самоцвет, зарянец, камень-зель.
Стародавнему верен навыку,
Прихожу на поречную мель.

Кличу девушку с русой косою,
С зыбким голосом, с вишеньем щек,
Ивы шепчут: «Сегодня с красою
Поменялся кольцом солнопек,

Подарил ее зарною кикой,
Заглубил в речном терему...»
С рощи тянет смолой, земляникой,
Даль и воды в лазурном дыму.

<1912>

* * *

Весна отсияла... Как сладостно больно,
Душой отрезвися, любовь схоронить.
Ковыльное поле дремуче-раздольно,
И рдяна заката огнистая нить.

И серые избы с часовней убогой,
Понурые ели, бурьяны и льны
Суровым безвестьем, печалию строгой —
«Навеки», «Прощаю», — как сердце, полны.

О мать-отчизна, какими тропами
Бездольному сыну укажешь пойти:
Разбойную ль удаль померить с врагами,
Иль робкой былинкой кивать при пути?

Былинка поблекнет, и удаль обманет,
Умчится, как буря, надежды губя, —
Пусть ветром нагорным душа моя станет
Пророческой сказкой баюкать тебя.

Баюкать безмолвье и бури лелеять,
В степи непогожей шуметь ковылем,
На спящие села прохладой веять,
И в окна стучаться дозорным крылом.

<1911>

* * *

Вы, белила-румяна мои,
Дорогие, новокупленные,
На меду-вине развоженные,
На бело лицо положенные,
Разгоритесь зарецветом на щеках,
Алым маком на девических устах,
Чтоб пригоже меня, краше не было,
Супротивницам-подруженькам назло.
Уж я выйду на широкую гульбу —
Про свою людям поведаю судьбу:
«Вы не зарьтесь на жар-полымя румян,
Не глядите на парчовый сарафан.
Скоро девушку в полон заполонит
Во пустыне тихозвонный, белый скит».
Скатной ягоде не скрыться при пути —
От любви девке сердце не спасти.

<1909>

* * *

Вылез тулуп из чулана
С летних просонок горбат:
«Я у татарского хана
Был из наряда в наряд.

Полю мои из Бухары
Род растягайный ведут,
Пазухи — пламя Сахары
В русскую стужу несут.

Помнит моя подоплека
Желтый Кашмир и Тибет,
В шкуре овечьей Востока
Теплится жертвенный свет.

Мир вам, Ипат и Ненила,
Печь с черномазым горшком!
Плеск звездотечного Нила
В шорохе слышен моем.

Я — лежебок из чулана
В избу зазимки принес...
Нилу, седым океанам
Устье — запечный Христос».

Кто несказанное чаёт,
Веря в тулупную мглу,
Тот наяву обретает
Индию в красном углу.

1916 или 1917

* * *

Галка-староверка ходит в черной ряске,
В лапотках с оборой, в сизой подпояске.
Голубь в однорядке, воробей в сибирке,
Курица ж в салопе — клеванные дырки.
Гусь в дубленой шубе, утке ж на задворках
Щеголять далось в дедовских опорках.

В галочки потемки, взгромоздясь на жердки,
Спят, нахохлив зобы, курицы-молодки,
Лишь петух-кудесник, запахнувшись в саван,
Числит звездный бисер, чует травный ладан.

На погосте свечкой теплятся гнилушки,
Доплетает леший лапоть на опушке,
Врезжит в осоке проклятый младенец...
Петел ждет, чтоб зорька нарядилась в венчик.

У зари нарядов тридевять укладок...
На ущербе ночи сон куриный сладок:
Спят монашка-галка, воробей-горошник...
Но едва забрезжит зарево кокошник —

Звездочет крылатый трубит в рог волшебный:
«Пробудитесь, птицы, пробил час хвалебный,
И пернатым брашно, на бугор, на плесо,
Рассыпает солнце золотое просо!»

1914 или 1915

ГОЛОС ИЗ НАРОДА

Вы — отгул глухой, гремучей,
Обессилевшей волны,
Мы — предутренние тучи,
Зори росные весны.

Ваши помыслы — ненастье,
Дрожь и тени вечеров,
Наши — мерное согласие
Тяжких времени шагов.

Прозревается лишь в книге
Вами мудрости конец, —
В каждом облике и миге
Наш взыскующий Отец.

Ласка Матери-природы
Вас забвеньем не дарит, —
Чародейны наши воды
И огонь многоочит.

За слиянье нет поруки,
Перевал скалист и крут,
Но бесплодно ваши стуки
В лабиринте не замрут.

Мы, как рек подземных струи,
К вам незримо притечем
И в безбрежном поцелуе
Души братские сольем.

1910

* * *

Есть две страны; одна — Больница,
Другая — Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!

Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку
И заунывною кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику:

«Ку-ку! Откройте двери, люди!»
«Будь проклят, полуночный пес!
Кому ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских роз?!

Весна погибла, в космы сосен
Вплетает вьюга седину...»
Но, слыша скрежет ткацких кросен,
Тянусь к зловещему окну.

И вижу: тетушка Могила
Ткет желтый саван, и челнок,
Мелькая птицей чернокрылой,
Рождает ткань, как мерность строк.

В вершинах пляска ветродуев
Под хрип волчицной трубы.
Читаю нити: «Н. А. Клюев —
Певец олонецкой избы!»

25 марта 1937 г.

* * *

За лебединой белой долей,
И по-лебяжьему светла,
От васильковых меж и поля
Ты в город каменный пришла.

Гуляешь ночью до рассвета,
А днем усталая сидишь
И перья смятого берет
Иглой неловкою чинишь.

Такая хрупко-испитая
Рассветным кажешься ты днем,
Непостижимая, святая, —
Небес отмечена перстом.

Наедине, при встрече краткой,
Давая совести отчет,
Тебя вплетаю я украдкой
В видений пестрый хоровод.

Панель... Толпа... И вот картина,
Необычайная чета:
В слезах лобзает Магдалина
Стопы пречистые Христа.

Как ты, раскаяньем объята,
Янтарь рассыпала волос, —
И взором любящего брата
Глядит на грешницу Христос.

<1911>

* * *

Запечных потемок чурается день,
Они сторожат наговорный кистень, —
Зарыл его прадед-повольник в углу,
Приставя дозором монашенку-мглу.

И теплится сказка. Избе лет за двести,
А все не дождется от витязя вести.
Монашка прядет паутины кудель,
Смежает зеницы небесная бель.

Изба засыпает. С узорной божницы
Взирают Микола и сестры Седмицы,
На матице ожила карлиц гурьба,
Топтыгин с козой — избяная резьба.

Глядь, в горенке стол самобранкой накрыт
На лавке разбойника дочка сидит,
На ней пятишовка, из гривен блесня,
Сама же понурей осеннего дня.

Ткачиха-метель напевает в окно:
«На саван повольнику ткия, рядом,
Лежит он в логу, окровавлен чекмень,
Не выведал ворог про чудо-кистень!»

Колотится сердце... Лесная изба
Глядится в столетья, темна, как судьба,
И пестун былин, разоспавшийся дед,
Спросонок бормочет про тутошний свет.

<1913>

* * *

Зима изгрызла бок у стога,
Вспорола скирды, но вдомек
Буренке пегая дорога
И грай нахохленных сорок.

Сороки хохлятся — к капели,
Дорога пегая — быть теплу.
Как лещ наживку, ловят ели
Луча янтарную иглу.

И луч бежит в переполохе,
Ныряет в хвои, в зыбь ветвей...
По вечерам коровьи вздохи
Снотворней бабкиных речей:

«К весне пошло, на речке глыбко,
Буренка чует водополь...»
Изба дремлива, словно зыбка,
Где смолкли горести и боль.

Лишь в поставце, как скряга злато,
Теленье числя и удой,
Подойник с кринкою шербатой
Тревожат сумрак избяной.

<1916>

* * *

Зурна на зырянской свадьбе,
В братине знойный чихирь,
У медведя в хвойной усадьбе
Гомонит кукуший псалтирь:

«Борони, Иван волосатый,
Берестяный семиглаз...»
Туркестан караваном ваты
Посетил глухой Арзамас.

У кобылы первенец — зебу,
На задворках — пальмовый гул.
И от гумен к новому хлебу
Ветерок шафранный пахнул.

Замесит Орина ковригу —
Квашня семнадцатый год...
По малину колдунью-книгу
Залучил корявый Федот.

Быть приплоду нутром в Микулу,
Речью в струны, лицом в зарю...
Всеплеменному внемля гулу,
Я поддонный напев творю.

И ветвятся стихи-кораллы,
Неявленные острова,
Где грядущие Калевалы
Буревые пожнут слова.

Где совьют родимые гнезда
Фламинго и журавли...
Как зерно залягу в борозды
Новобрачной, жадной земли!

1918 или 1919

* * *

Из подвалов, из темных углов,
От машин и печей огнеглазых
Мы восстали могучей громов,
Чтоб увидеть все небо в алмазах,
Уловить серафимов хвалы,
Причаститься из Спасовой чаши!
Наши юноши — в тучах орлы,
Звезд задумчивей девушки наши.

Город-дьявол копытами бил,
Устрашая нас каменным зевом.
У страдальческих теплых могил
Обручились мы с пламенным гневом.
Гнев повел нас на тюрьмы, дворцы,
Где на правду оковы ковались...
Не забыть, как с детьми отцы
И с невестою милый прощались...

Мостовые расскажут о нас,
Камни знают кровавые были...
В золотой, победительный час
Мы сраженных орлов схоронили.
Поле Марсово — красный курган,
Храм победы и крови невинной...
На державу лазоревых стран
Мы помазаны кровью орлиной.

Конец 1917 г. или начало 1918 г.

* * *

Костра степного взвивы,
Мерцанье высоты,
Бурьяны, даль и нивы —
Россия — это ты!

На мне бойца кольчуга,
И, подвигом горя,
В туман ночного луга
Несу светильник я.

Вас, люди, звери, гады,
Коснется ль вещей крик:
Огонь моей лампы —
Бессмертия родник!

Все глухо. Точит злаки
Степная саранча...
Передо мной во мраке
Колеблется свеча,

Роняет сны-картинки
На скатертчатый стол —
Минувшего поминки,
Грядущего символ.

1910